Сулейманов А. А. Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50—80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии) / А. А. Сулейманов // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 162—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-162-174.

Suleymanov, A. A. (2017). Ethnic Processes and Ethnic Identity of Indigenous Population of Russian Arctic in 1950—80-ies (on Materials of Field Research in Yakutia). *Nauchnyy dialog, 7:* 162-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-162-174. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94:39:001.891](=1.985-81)“1951/1987”
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-162-174

Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50—80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии)[1]

© **Сулейманов Александр Альбертович (2017),** orcid.org/0000-0001-8746-258X, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), alexas1306@gmail.com.

Представлен анализ материалов, полученных в ходе проведения в арктических районах Якутии экспедиционных исследований, которые касались различных сторон протекания этнических процессов среди аборигенных этносов в их корреляции с проблемами этнической идентичности. Представляется, что дополнительную актуальность рассматриваемым в статье вопросам придает выбранный период. 50—80-е годы XX века являлись временем энергичных и целенаправленных усилий по транспортно-промышленному развитию арктических территорий Советского Союза, что, естественно, оказывало значительное воздействие и на традиционные устои жизни коренных народов. В работе содержится анализ инициатив, организованных ведущими акторами изучения коренных народов Севера рассматриваемого периода: научными центрами Москвы, Ленинграда, Якутска. Среди этих инициатив были исследования, проводившиеся талантливыми отечественными североведами —

1 Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Проект № 0379-2015-0009 «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация арктической идентичности».

И. С. Гурвичем, З. В. Гоголевым, В. А. Туголуковым, Г. Н. Грачевой, Н. Б. Вахтиным и другими. В результате проведенных изысканий, в частности, были сделаны выводы об активнейших ассимиляционных процессах на севере Якутии, которые значительно интенсифицировались в годы советской модернизации, а также об имевшей место определенной устойчивости этнического самосознания у представителей исследованных аборигенных этнических сообществ.

Ключевые слова: Арктика; Якутия; коренные народы; научные исследования; экспедиции; этнические процессы; этническая идентичность.

1. Введение

Общеизвестное богатство недр и ресурсов, военно-стратегический, геополитический и логистический потенциал Российской Арктики делают неизбежным внимание отечественных общественно-политических и деловых кругов к проблемам ее развития. Сегодня на повестке дня стоит задача по реиндустриализации региона если не в имевших место в годы советской модернизации масштабах, то хотя бы в приближенных к ним. В связи с этим актуализируется изучение различных сторон исторического опыта освоения Российской Арктики, включая, конечно же, познание прошлого аборигенных этносов региона — важнейших акторов данного процесса.

Крупнейший северный регион России — Якутия — является «домом» для целого ряда коренных народов: эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, якутов, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов. Рассматриваемый в данной статье период — время активного транспортно-промышленного развития Российской Арктики, сопровождавшегося в том числе миграцией в северные районы Якутии населения из западных регионов Советского Союза. Происходившие трансформационные процессы были столь масштабны, что, естественно, не могли не сказаться на различных сторонах жизни аборигенных этносов, включая их этническое самосознание и этническую идентичность. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть, как эти аспекты были представлены в работах ученых, проводивших в 50—80-е годы XX века полевые исследования в арктических районах Якутии.

Методологической основой работы являются принципы историзма, научной объективности и системности. При решении поставленных задач были использованы также специальные методы познания: историко-типологический, историко-сравнительный и ретроспективный анализ.

2. Полевые исследования в Заполярной Якутии в 1950-е годы

Значительную активизацию исследования этнических процессов, в частности, и коренных народов вообще получили после создания в Якутии первоначально базы (1947 г.), а затем филиала (1949 г.) Академии наук

(АН) СССР. Одним из их ведущих структурных подразделений являлся Институт языка, литературы и истории.

В 50-е годы XX века в ИЯЛИ развернулись последовательные полевые работы по изучению этнического состава, быта и культуры коренного населения арктических районов Якутии.

Первая из этих экспедиций проводилась в течение апреля — октября 1951 года в Нижне- и Среднеколымском районах Якутии. В изысканиях принимали участие руководитель экспедиции, научный сотрудник ИЯЛИ И. С. Гурвич, а также лаборант-переводчик.

В рамках исследований в числе прочих было опрошено 600 человек — членов аборигенных колхозов «Турваургин», «Оленевод» и «Сутаня-Удеран». Опрос предполагал получение сведений о количестве языков, которым владеет респондент, а также о том, какой из этих языков он считает родным. Проведенные изыскания показали, что для коренных этносов Нижнеколымского района характерно многоязычие — большинство чукчей, эвенов и юкагиров владело или хотя бы могло объясниться на трех-четырех языках (русский, чукотский, эвенский, юкагирский или якутский). При этом значительная часть полиглотов родными языками назвала юкагирский и эвенский. Данный факт И. С. Гурвич связал с малочисленностью и большой подвижностью юкагиров и эвенов, делавших многоязычие, необходимое для налаживания коммуникации с соседями, обязательным элементом повседневной практики.

Любопытными представляются полученные учеными сведения о том, что явление многоязычия на нижней Колыме получило широкое распространение сравнительно недавно — лишь в конце XIX века в результате активизации совместной хозяйственной деятельности и появления родственных связей. Например, 96-летний информатор И. С. Гурвича юкагир Т. Т. Трифонов сообщал, что в еще в годы его молодости юкагиры «держались вместе и говорили только по-одульски (на юкагирском языке. — *А. С.*)» и лишь немногие из старейшин «умели объясняться на языке соседей», а 71-летний чукча Г. А. Слепцов рассказывал, что эвенским языком он овладел «благодаря своей жене — эвенке и общению с ее родственниками, якутский язык изучил, общаясь с якутами, так как вывозил груз на оленях из Среднеколымска, по-русски стал понимать, так как приходилось общаться с колымчанами, приезжавшими в их стойбище по торговым делам» [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 231, л. 40—41]. «Международным» языком в Нижнеколымской районе являлся русский. На нем проводились собрания, велось делопроизводство и преподавание. На втором месте по популярности был чукотский язык, затем — якутский. Якутский

язык являлся ведущим в Среднеколымском, а также юго-западной части Нижнеколымского районов, где население использовало его в разных сферах — и в быту, и в общественной жизни [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 231, л. 37—46].

Ассимиляционные процессы на Колыме, по мнению И. С. Гурвича, интенсифицировались после проведения на севере Якутии коллективизации и поселкования, в том числе благодаря широкому распространению межнациональных браков. В результате И. С. Гурвич отметил значительное смешение коренных народов исследуемого ареала, их культуры и обычаев. Так, было установлено, что юкагиры переняли эвенский тип жилища, покрой одежды и обуви, образ жизни, в то же время сохранив свой язык и даже распространив его среди эвенов. Среди якутов получила распространение заимствованная у русских хозяйственная утварь, русская и чукотская одежда. Восприняли мужскую одежду чукчей и эвены. У самих чукчей наряду с сохранностью традиций изготовления и ношения своей национальной одежды, а также постройки традиционного жилища — яранги с пологом наблюдалось отмирание ряда обычаев (добровольная смерть, отработка за жену, обмен женами и т. д.) [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 231, л. 7—46].

В следующем году экспедиционные исследования проводились в Момском, Абыйском и Аллаиховском районах Якутии с июня до сентября. В состав экспедиции в бассейн Индигирки вновь входили И. С. Гурвич и лаборант-переводчик. Программа работы экспедиции в целом повторяла цели и задачи изысканий 1951 года [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 247, л. 1—15].

Примечательным для нас в плане рассматриваемой проблематики является сделанный И. С. Гурвичем в ходе исследований вывод о целесообразности отнесения юкагирского и эвенского населения Аллаиховского района, имевших одинаковые модели хозяйства и общий язык (эвенский), к одной этнической группе. Ученый отметил: «Различия между юкагирами и эвенами сводятся к деталям... В настоящее время молодежь вне зависимости от того, принадлежали ли их родители к юкагирскому наслегу или к эвенским наслегам, обычно причисляют себя к эвенам... Большинство населения не различают эвенов и юкагиров, так как нет критерия для отнесения тех или иных семей к юкагирам или эвенам … <Данный> процесс знаменует собой лишь то обстоятельство, что в настоящее время индигирские юкагиры окончательно слились с эвенами — образовалась фактически более крупная группа эвенов» [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 236, л. 26—28].

В ходе экспедиции также были собраны существующие у местных жителей предания о заселении территорий Момского, Абыйского и Аллаиховского районов, материалы по истории хозяйственной деятельности, организации быта, различным элементам традиционной культуры (одежда, обычаи, жилища) аборигенов. Среди прочего И. С. Гурвич выявил ряд интересных особенностей в жизни якутского населения исследуемых районов. Так, существенное воздействие на абыйских якутов, по мнению ученого, оказали русские старожилы, что нашло отражение в том числе в словарном фонде, повседневном быте, а также антропологическом облике. В свою очередь традиционное хозяйство момских якутов испытывало серьезное влияние со стороны эвенского населения. Аналогичные специфические черты исследователь установил для различных групп эвенов и русских старожилов [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 236, л. 10—22].

В продолжение рассмотренных работ в 1953 году ИЯЛИ была организована экспедиция в Верхоянский, Саккырырский, Усть-Янский, Булунский и Жиганский районы Якутии. Изыскания вновь возглавлял И. С. Гурвич. Также на разных этапах экспедиции в ней принимали участие коллектор А. Н. Окороков и лаборанты-переводчики А. Н. Божедонов, Е. Д. Колесов, С. Н. Горохов, Н. Ефимов [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 250, л. 1; д. 258, л. 1]. Исследования продолжались в период с ноября 1953 года до мая 1954 года.

Участники экспедиции проанализировали социолингвистическую ситуацию, определили этнический состав и особенности расселения аборигенных сообществ исследованного ареала.

Например, в Саккырырском районе было установлено наличие двух ведущих аборигенных этнических сообществ — эвенов и якутов. Местные эвены в свою очередь сильно различались в зависимости от ареалов проживания: т.н. ламунхинские населяли Ламунхинский наслег, а тюгясирские — Тюгясирский, Верхне- и Нижнебытантайский наслега. Как отметил И. С. Гурвич, представители названных групп эвенов «с трудом понимали» друг друга, так как если ламунхинцы «достаточно полно сохранили свой язык», то тюгасирцы «сохранили только эвенский строй языка», а большинство слов были заменены якутскими. При этом молодое поколение последних, по наблюдениям ученого, уже не говорила на эвенском языке, а «только понимала». Эти различия были обусловлены прежде всего тесными контактами тюгясирских эвенов и якутов, зачастую находившихся, как было установлено в ходе работы участников изысканий с посемейными списками, в кровном родстве [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 250, л. 5—6].

В результате исследований, проведенных в Булунском районе, И. С. Гурвич сумел выявить достаточно четкие параметры, позволявшие установить, кого из местных жителей следует относить к эвенкам, а кого к эвенам. Следует отметить, что до этого подобное разграничение не только отсутствовало в официальных документах, но и являлось неочевидным для самих аборигенов — многие из них вовсе не знали такой этноним, как *эвен*. Как было уставлено, к последним следовало относить население Хараулахского наслега — потомков представителей бывшего тюгасирского рода эвенов. Эвенками же, по мнению И. С. Гурвича, были выходцы из тунгусских родов кюнцев и эжанцев. При этом к середине XX века эвенки Булунского района владели только якутским языком и практически «ничем не отличались от булунских якутов» [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 258, л. 149—150]. Особенные, «эвенкийские», черты культуры участникам изысканий удалось обнаружить лишь в области верований и охотничьих обычаев, хотя и в них, как отметил И. С. Гурвич, все «элементы оказались перемешанными с якутскими представлениями» [Гурвич, 1960, с. 5].

Схожая ситуация была зафиксирована и в Жиганском районе. Здесь «группы эвенков оленеводов-охотников еще в XIX веке сблизились с якутами — выходцами из центральных и вилюйских районов, восприняли якутский язык и утратили многие черты эвенкийской культуры». В результате, по полученным участниками экспедиции данным, для подавляющего большинства населения района родным языком являлся якутский, а жиганские эвены «ничем не отличались по культуре от якутов» [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 258, л. 175—190].

1959 год был ознаменован проведением Юкагирской комплексной экспедиции — пожалуй, одной из наиболее выдающихся инициатив в истории изучения аборигенных этносов арктических районов Якутии. В ее организации и проведении участвовали сотрудники ИЯЛИ, московского Института этнографии АН СССР и Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: З. В. Гоголев (руководитель), И. С. Гурвич (к этому моменту перешедший на работу в Москву), Е. А. Крейнович, И. М. Золотарева, К. И. Горохов, М. Я. Жорницкая, А. Н. Лаптев и С. А. Федосеева [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 231, л. 5].

Согласно разработанной программе изысканий в число задач экспедиции входил и анализ происходящих этнических процессов. Программа работ экспедиции предусматривала проведение исследований в большинстве из мест традиционного проживания юкагиров: Нижнеколымском, Аллаиховском и Верхнеколымском районах Якутии, а также в Среднеканском районе

Магаданской области [АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1201, л. 3]. При этом ученые не замыкались на изучении юкагиров и охватили изысканиями также проживающих бок о бок с ними русских старожилов, чукчей, эвенов и якутов.

Применительно к анализируемым в данной статье вопросам следует отметить, что работа с местным населением, а также результаты изучения похозяйственных списков свидетельствовали о «далеко зашедшем» процессе смешения юкагиров с эвенами и чукчами, особенно усилившемся в конце 40-х — в 50-е годы XX века. Данный процесс привел к метисации практически всех юкагиров, подавляющее большинство которых ко времени экспедиции было распределено по смешанным семьям [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 38—39].

Проведя исследования в поселениях русских старожилов, ученые отметили их быстрое сближение с пришлым русскоязычным населением, в результате которого, а также под воздействием развития СМИ произошло стремительное («всего за несколько лет») разрушение нижнеколымского и походского говоров, которые И. С. Гурвич фиксировал во время рассмотренных выше изысканий на Колыме и Индигирке [РО ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 39—42].

Примечательным является анализ учеными воздействия коллективизации на этнические процессы. Так, в Нижнеколымском районе ее следствием, на их взгляд, явился энергичный обмен социокультурными практиками. В частности, юкагиры и эвены переняли чукотские приемы выпаса оленей, русские, эвены, юкагиры и якуты с большим удовольствием носили чукотскую мужскую одежду, а чукчанки — эвенскую [Юкагиры …, 1975, с. 135—153]. В Верхнеколымском районе участники экспедиции отметили крайне негативные следствия коллективизации и поселкования для этнической самобытности юкагиров. Например, из-за перехода к новым отраслям хозяйствования (животноводство, огородничество), значительно менее рентабельным в суровых местных климатических условиях, чем традиционные промыслы, были в значительной степени утрачены навыки ведения привычной хозяйственной деятельности — охоты и рыболовства. Вследствие же целенаправленного переселения промыслового населения в крупные поселки произошло фактическое обезлюдивание берегов рек Рассоха и Коркодон [АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1201, л. 18—19].

3. Экспедиционные работы в арктических районах Якутии в 1960—1980-е годы

В 1969—1971 годах в северных районах Якутии проводил исследования научный сотрудник Института этнографии АН СССР В. А. Туголуков.

В фокусе изысканий ученого находились юкагиры, эвены и эвенки, проживающие в Аллаиховском, Анабарском, Булунском, Жиганском, Оленекском, Томпонском, Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии.

Среди важнейших выводов, сделанных В. А. Туголуковыми по результатам проведенных изысканий, было положение о глубоком тунгусском влиянии на материальную и духовную культуру юкагиров и, в целом, их образ жизни. В частности, у тунгусов юкагирами были заимствованы навыки ведения оленеводства, техника охоты на диких оленей, переносные чумы, система отсчета месяцев, элементы традиционной одежды. Кроме того, по мнению ученого, именно под воздействием тунгусов у юкагиров произошел отход от матрилокального брака [Туголуков, 1979, с. 14—131].

Другим важным итогом проведенных изысканий является закавычивание в нем этнонимов «якуты» и «эвенки» в случае их употребления применительно к аборигенному населению северо-западных районов Якутии. Данный факт объяснялся активнейшими ассимиляционными процессами в этом ареале.

Так, в отношении давно проживавших на Анабаре якутов (в отличие от недавно поселившихся здесь) В. А. Туголуков отметил, что они «не якуты в полном значении этого слова и тем более не тунгусы (эвенки), а якутоязычный сплав якутского, тунгусского и русского населения» [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 171].

В соседнем Оленекском районе, где основная масса населения относила себя к эвенкам, исследователь установил, что значительная их часть «принадлежит к якутским родам Катыгын (Хатыгын, Хатылинский), Рюняй, Маймага, Осогостох, Чорду, Эспех и др., не известным у эвенков». Косвенное подтверждение «давней ассимиляции эвенков северо-западной Якутии якутами» [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 172—173] В. А. Туголуков увидел в длительном отсутствии среди аборигенов ареала родовой экзогамии, а также как минимум вековой традиции отнесения к родному языку якутского. Вообще положения о родном языке как ключевом маркере определения национальной принадлежности занимали важное место в исследованиях ученого. В частности, по его сведениям, на момент изысканий эвенкийский язык знали всего 6—8 человек. Одной из них была старейшая жительница Жилинды 99-летняя Е. Х. Сергеева, а остальные являлись недавними мигрантами из Илимпийского района Эвенкийского округа [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 174—176]. В результате В. А. Туголуков пришел к выводу о принадлежности аборигенного населения Оленекского района «к тому же этническому образованию (слою), что и анабарские “якуты”» [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 176].

Схожая ситуация была зафиксирована и у «эвенков» (кавычки В. А. Туголукова) Жиганского района. Здесь также, по мнению исследователя, тунгусское население было давно «объякучено», а сами якуты переняли у эвенков и эвенов хозяйство и образ жизни. При этом ученому не удалось выявить ни одного носителя эвенкийского языка в Жиганском районе, а охарактеризованный жителями единственным его местным знатоком Д. С. Семенов, как установил В. А. Туголуков, в действительности владел западным диалектом эвенского языка — предки информанта за полвека до этого перекочевали на Лену с Верхоянья. В итоге исследователь зафиксировал в Жиганском районе наличие «некоторого числа эвенов», которые, между тем, не знали такого этнонима и относили себя к эвенкам [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 176—180].

Несмотря на аналогичную путаницу в терминологии в Булунском районе здесь В. А. Туголукову так же, как и ранее И. С. Гурвичу, удалось выявить именно эвенское население [НА ИЭА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 182—185].

В мае — июле 1987 года в арктических районах Якутии проводилась Колымская лингвоэтнографическая экспедиция. Инициатива была организована в рамках выполнения совместной исследовательской темы Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (Кунсткамера) и Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севера». Участвовали в экспедиции Г. Н. Грачева (руководитель этнографический части), Б. М. Фирсов и Г. С. Авакьянц (ЛО ИЭ АН СССР), а также к.ф.н. Н. Б. Вахтин (руководитель лингвистической части) и Е. С. Маслова (ЛО ИЯ АН СССР). Кроме того, в Нелемном помощь в проведении исследований названным специалистам оказывала Л. Н. Демина (ИЯЛИ).

Во время изысканий ученые в течение мая — июля 1987 года посетили места компактного проживания юкагиров в Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии. Значительное внимание исследователи уделили вопросам этнического самосознания. По итогам экспедиции, в частности, они пришли к выводу о том, что «консолидация юкагиров зиждется на самосознании в гораздо большей степени, чем на традиционной культуре или языке» [НА МАЭ РАН, ф. К-I, оп. 2, д. 1528, л. 82]. Данный тезис основывался на выявленных в ходе изысканий фактах, среди которых запись детей от смешанных браков юкагирами для того, чтобы «национальность соответствовала среде», или для сознательного увеличения численности этноса [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 14—74]. В результате участники экспедиции выявили две генеральные тенденции протекания этнических процессов.

С одной стороны, шло интенсивное размывание этнических культур, под воздействием явлений, которые бы сейчас отнесли к последствиям глобализации, а исследователи назвали их тогда «интернационализацией». С другой — в полной мере проявлялись и этноконсолидационные процессы, основывавшиеся «отчасти на языке, общности истории и полной мере на самосознании…» [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 33].

В целом же жизнь юкагиров и других коренных народов региона, в том числе благодаря широкому распространению телевизоров, радио, всеобщему среднему и специальному образованию, получаемому за пределами села, как выяснили участники экспедиции, уже имела больше общих черт с общесоюзной, чем самобытных. Быстрее всего при этом, по наблюдениям участников изысканий, трансформировалась материальная культура, где «сметались даже те традиционные элементы, которые до сих пор имеют большое значение» [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 35].

Аналогичные процессы унификации наблюдались и в языковой сфере. Н. Б. Вахтин и Е. С. Маслова выявили роль употребляемых языков в каждом из обследованных населенных пунктов. Так, в с. Нелемное Верхнеколымского района значимость языков распределялась следующим образом: русский, якутский, юкагирский, эвенский, а из 89 опрошенных в этом населенном пункте юкагиров родной язык на первое место поставили только 9 человек, средний возраст которых составил 64 года. При этом, по мнению исследователей, сфера применения юкагирского языка фактически была утрачена, и в результате его преподавание в нелемнской школе напоминало «преподавание иностранного языка» [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 33]. Схожие лингвистические приоритеты были в селах Андрюшкино (якутский, русский, эвенский, юкагирский и очень мало — чукотский) и Колымское (русский, чукотский, якутский, эвенский и юкагирский) Нижнеколымского района. Отмеченный же здесь за 30 лет до этого И. С. Гурвичем феномен многоязычия был зафиксирован лишь у пожилых людей [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 43, 66—67]. Фактически к числу архаизмов стала принадлежать и большая часть оригинальной терминологии юкагиров, которой также владело лишь старшее поколение [НА МАЭ РАН, ф. 142, оп. 2, д. 15—16].

4. Заключение

Материалы проведенных в 50—80-е годы XX века в арктических районах Якутии полевых исследований, таким образом, свидетельствуют о давнем протекании в регионе процессов этнокультурной интеграции, универсализации и ассимиляции. В ходе изысканий было установлено, что эти

процессы в некоторых северных районах получили достаточную активность уже в XVIII столетии, в некоторых же — в позапрошлом веке. При этом следует выделить три приоритетных тренда: взаимодействие и взаимовлияние коренных малочисленных народов между собой, усиление роли значительно преобладающего по численности якутского этноса, который, тем не менее, и сам многое перенял от автохтонов, и, наконец, воздействие активно мигрировавшего в XX столетии в Якутию русского населения. Влияние последнего из названных этнических компонентов, как было установлено, особенно сильно стало сказываться после коллективизации, индустриализации Арктики, тотальной радиофикации, распространения телевидения и всеобщего среднего образования. Все это привело к фактической стандартизации многих элементов жизни на основе общегосударственной культуры. Вместе с тем исследования выявили и определенную устойчивость этнического самосознания и, соответственно, этнической идентичности аборигенов. Наиболее рельефно это проявилось уже в 90-е годы XX века, когда на волне подъема национального самосознания у аборигенных этнических сообществ Якутии обозначилась достаточно четкая этническая дифференциация и в целом резко возрос интерес к своей этнической «самости».

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.

2. НА ИЭА РАН — *Научный* архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 2. Д. 86.

3. НА МАЭ РАН — *Научный* архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук. Ф. К-I. Оп. 2. Д. 1528.

4. РО ИГИиПМНС СО РАН — *Рукописный* отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231; Д. 247; Д. 250; Д. 258; Д. 359.

5. ИЯЛИ — *Институт* языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР.

6. ЛО ИЭ АН СССР — *Ленинградское* отделение Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

7. ЛО ИЯ АН СССР — *Ленинградское* отделение Института языкознания Академии наук СССР.

Литература

1. *Гурвич И. С.* Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии / И. С. Гурвич // Советская этнография. — 1960. — № 5. — С. 3—11.

2. *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? / В. А. Туголуков. — Москва : Наука, 1979. — 152 с.

3. *Юкагиры* (историко-этнографический очерк) / З. В. Гоголев, И. С. Гурвич, И. М. Золотарева, М. Я. Жорницкая. — Новосибирск : Наука, 1975. — 245 с.

Ethnic Processes and Ethnic Identity of Indigenous Population of Russian Arctic in 1950—80-ies (on Materials of Field Research in Yakutia)[1]

© **Suleymanov Aleksandr Albertovich (2017),** orcid.org/0000-0001-8746-258X, PhD in History, senior research scientist, Sector of Arctic Research, Institute for Humanitarian Researches and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), alexas1306@gmail.com.

The analysis of materials obtained in the Arctic regions of Yakutia during the expeditionary studies related to various aspects of ethnic processes among the indigenous ethnic groups in their correlation with the problems of ethnic identity is presented. It appears that additional relevance for the article is the selected period. 1950—80-ies were the time of vigorous and intentional efforts for transport and industrial development of the Arctic territories of the Soviet Union, which naturally had a significant impact on the traditional foundations of life of indigenous peoples. The work contains an analysis of the initiatives organized by the leading actors of the study of indigenous peoples of the North of reporting period: scientific centres of Moscow, Leningrad, Yakutsk. Among these initiatives there were the studies conducted by talented domestic North researchers — I. S. Gurvich, Z. V. Gogolev, V. A. Tugolukov, G. N. Gracheva, N. B. Vakhtin and others. As a result of investigations, in particular, conclusions were drawn about the most active assimilation processes in Northern Yakutia, which are much intensified in the years of Soviet modernization, and also about certain stability of ethnic identity in representatives of the studied ethnic indigenous communities.

Key words: Arctic; Yakutia; indigenous peoples; scientific research; expeditions; ethnic processes; ethnic identity.

Material resources

ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk*. F. 142. Op. 1. D. 1201. (In Russ.).

IYaLI — *Institut yazyka, literatury i istorii Yakutskogo filiala Akademii nauk SSSR*. (In Russ.).

LO IE AN SSSR — *Leningradskoye otdeleniye Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya Akademii nauk SSSR.* (In Russ.).

LO IYa AN SSSR — *Leningradskoye otdeleniye Instituta yazykoznaniya Akademii nauk SSSR.* (In Russ.).

NA IEA RAN — *Nauchnyy arkhiv Instituta etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk*. F. 142. Op. 2. D. 86. (In Russ.).

1 The work is supported by Programme of Fundamental Research of the Russian Academy of Sciences Presidium. Project No. 0379-2015-0009 “Historical memory in multicultural space of Yakutia: formation and transformation of Arctic identity.”

NA MAE RAN — *Nauchnyy arkhiv Muzeya antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk.* F. K-I. Op. 2. D. 1528. (In Russ.).

RO IGIiPMNS SO RAN — *Rukopisnyy otdel Instituta gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* F. 5. Op. 1. D. 231; D. 247; D. 250; D. 258; D. 359. (In Russ.).

References

Gogolev, Z. V., Gurvich, I. S., Zolotareva, I. M., Zhornitskaya, M. Ya. 1975. *Yukagiry (istoriko-etnograficheskiy ocherk).* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Gurvich, I. S. 1960. Sovremennyye etnicheskiye protsessy, protekayushchiye na severe Yakutii. *Sovetskaya etnografiya, 5:* 3—11. (In Russ.).

Tugolukov, V. A. 1979. *Kto vy, yukagiry?* Moskva: Nauka. (In Russ.).